

Виктория Куренкова

**Художник
Михаил Казас**

Художник Михаил Казас поразил меня в самое сердце! Неодолимая потребность написать о нём появилась сразу, как я, уже сильно немолодая, сложила воедино то, что знала и что узнала со временем, и то, что узнала совсем недавно. Вернее, когда я вдумалась в то, что знала и была поражена этим знанием.

1

Сестра художника

Его имя я могла слышать с младенчества: моя семья жила в Симферополе на улице Жуковского, угол Гоголя, в одном из закутов некогда принадлежавшего караимской семье Казас дома, само собой, превращённого в коммунальный муравейник. И оно наверняка звучало в 50-е - 60-е, когда день в общей кухне начинался взаимными приветствиями соседей, в том числе пожеланием доброго утра снимающей с керосинки чайник Александре Моисеевне Казас - сестре художника Михаила Казаса, о чём мне вскользь сообщили родители. Но, и только. Художника давно не было на этом свете. Мало ли, кто когда-то жил и когда-то умер... Александра Моисеевна занимала одну комнату в мрачной коммуналке и не претендовала на собственность своей семьи или хотя бы на связанные с этим преференции. Жила как все, держалась отчуждённо, с лицом: «век бы вас всех не видеть». Соседи и не настаивали. Тоже помнили, что караимы доказали Гитлеру своё нееврейство, и в годы оккупации фашисты их не тронули. А с евреями и крымчаками известно, что сделали.

Когда-то она была учительницей, но теперь казалась уже совсем старой. Даром, что старалась выпрямить сгорбленную спину и задирала подбородок. Была поначалу опрятной, в чём-то прилично старческом, коричневом. Прилизанные волосы собраны на затылке крошечной дулькой. Начищенные туфельки на «снурочках», чёрная шляпка. По каменистому нашему двору и по улице шла, опираясь на чёрную палку.

Я совсем не помню, как и почему лет десяти-двенадцати попала в её комнату. Может быть, занесла что-то съестное, купленное по её просьбе. Но всё-таки оказалась внутри. Потом ещё и ещё. Нечасто. Всего несколько раз.

Комната Александры Моисеевны, как и другие комнаты нашего дома хранила «следы былой роскоши» в виде филёнчатых ставен, старинных дверных ручек и сто раз забеленных лепных потолков. Комната была заставлена мебелью, может быть, старинной и красивой, но понять это в сложившейся тесноте было невозможно.

На стенах висели картинки. Монотонные непривычные изображения были мне непонятны. Я тогда и не проявила к ним любопытства. Не рассмотрела.

Но одна картина висела отдельно, над пианино и сразу привлекла моё внимание. Даже, можно сказать, сразила, врезалась в душу. Сейчас я должна признать, что с этой картины началось моё, прошедшее через всю жизнь, увлечение изобразительным искусством и любовь к художественным музеям и частые походы в Симферопольский художественный музей, на свидание с ней, с этой картиной, и упоительно интересная работа в театре кукол, с несомненным приоритетом изобразительного искусства. Многое в моей жизни началось с этой картины.

Я попробую взглянуть на неё глазами десятилетней девочки и выразить её, девочки, первозданное чувственное впечатление.

На картине изображена коррида. Матадоры распростёрли алые мулеты у морды чёрного зверя. Бык полон силы и ярости. И люди, и зверь переживают миг наивысшего напряжения. Золотой песок источает зной. Арена плавится под солнцем. Фигуры отбрасывают резкие тени. Синие и только синие тени возможны в этот знойный полдень. Невероятно ярко! Поразительно красиво! Вдали, на фоне кипящего амфитеатра всадник с копьём а, может быть, это вспененное Средиземноморье и рыцарь печального образа на берегу, а рядом прозрачный силуэт поникшей Ариадны у входа в лабиринт?

Сегодня я вижу художника, охватившего маленькой картиной древнейшую эпопею. Бык - центр этой истории. Явив свой лик со стен сумрачных пещер Ласко и Альтамира он пристал к Криту и, отыграв игрища на фресках Кносского дворца, возвратился на Пиренейский полуостров боем, тавромахией, корридой. Почему тема увлекла рождённого в Крыму художника? Возможно, им владело чувство причастности? Ощущение Тавриды «обломком Средиземья».

Но это уже размышления сегодня. А тогда я только почувствовала, что картина художника Михаила Казаса: Испания (Бой быков). Холст, масло. 45 x 60 знак, веха, что это неуничтожимо, незабываемо, на всю жизнь. Как в действительности и оказалось.

Прошёл ещё десяток лет, и с Александрой Моисеевной Казас случилось самое страшное, из того, что может преподнести старость. Она перестала ориентироваться во времени дня и ночи, не понимала, с кем разговаривает, зачем и куда направляется. Она всё забыла. Страшные трансформации произошли с её внешностью. Соседи, конечно, помогали, но молодые работали, а старухи могли немного. Социальные службы Страны Советов не отвлекались на подобные мелочи. Александра Моисеевна влачила жалкое существование в комнате, полной драгоценного братнего наследства.

Потрясающие, изысканные работы Михаила Казаса были подлинным кладом. И то, яркое, что я полюбила ребёнком, и живопись и графика на стенах комнаты, и папки, и альбомы, полные восхитительных зарисовок, хранящиеся в недрах комодов и диванов – всё было бесценным наследием большого художника. Александра Моисеевна на протяжении полу столетия исполняла свой сестринский долг: хранила его. Более половины этого времени она, попросту прятала, скрывала работы брата. Она и сама подвергалась опасности – вполне могла попасть под арест и расправу. Её брат, художник Михаил Казас, в 1918 году, в дни красного террора в Крыму был расстрелян как белогвардейский офицер.

Александрю он мог нарисовать тогда же, зимой 18-го. Она молода – 26 лет – вальяжна, задумчива. Отдалённо узнаваема. Название: Портрет сестры художника. Материал: бумага, цветные карандаши.

Рудольф Подуфалый

Развесить по стенам картины Александра решила не ранее конца 50-х, когда людоедские времена закончились и расстрел за хранение «контрреволюционной пропаганды» уже не грозил. Однако по мере того, как силы её покидали, всё более остро вставал вопрос: кому передать работы брата? Кому оставить?

Логичным было пойти в музей. По всей видимости, так она и поступила. Но в этом тоже был немалый риск – на кого попадёшь. Чтобы, не дай Бог, не скомпрометировали коллекцию, не прилепили ярлык «чуждое», «формалистическое», «белогвардейское». Гибель художника от пули революционных солдат не забывалась и не прощалась.

В стране победившего социализма,

где единственной творческой установкой был социалистический реализм, с его нетленным символом: «Девушка с веслом»;

где в 1962 году в Манеже Никита Хрущёв набросился на художников с невежественными, абсурдными обвинениями, в очередной раз подтвердив: свободное творчество не для них;

где в 1974 году выставку художников-нонконформистов в прямом смысле раздавили бульдозерами;

где шедевры русского авангарда хранились в запасниках, под строжайшим запретом показа, а иные работы действительно уничтожались приказами «свыше», как «антинародное искусство»,

где культурой и искусством «руководили» номенклатурные работники, преимущественно из отставных военных, чьё художественное кредо было: «Эта рама эту картину благородить!» (подлинная цитата директора одного художественного музея);

так вот в этой стране, а тем более, в провинции, в Симферополе, сложно было отыскать человека, обладающего образованием, интеллектом и вкусом, способного оценить по достоинству творчество Михаила Казаса, и смелостью, чтобы заявить об этом.

Таковой нашёлся именно в музее.

Через окно я замечала, что соседнюю коммуналку время от времени посещает новый человек. Оказалось, он приходил к Александре. Очкарик, в свитере - так в 60-е одевались физики и лирики - он был лириком, научным сотрудником художественного музея. Как сейчас, вижу его, взлетающим по ступенькам крыльца: в одной руке потёртый портфель, в другой авоська с продуктами. Подкармливал Александру.

Соседи шушукались, что вот, мол, ходит, «стережёт караимское золото». И вправду, после смерти Александры, Шура «подвальная» – простая женщина, жила в подвальном помещении, работала у соседней подённы – разбивая вывощенную во

двор мебель на дрова, нашла в ножке старинного кресла изрядную стопку золотых монет.

Александра о них, конечно, не помнила. Она вообще мало что помнила. И, несомненно, её опекун не знал о них и «стерёг» другое. И я пишу о золоте «аргос», «ради правды жизни». Думаю, что опекун Александры ни минуты не сомневался – коллекция работ Михаила Казаса дороже золота!

Как бы странно это ни звучало, но то, что Рудольф Трофимович Подуфалый (1939 – 2008) получил возможность курировать коллекцию Казаса, наконец-то явилось удачей Михаила Казаса.

Подуфалый был человеком искусства, исследователем, тонким художественным критиком. Музейщики, художники и друзья говорят о нём восторженно. Он не был лёгким, слишком контактным. Лекции, которые он читал, посещало много желающих, но в них нужно было вслушиваться и вдумываться. Друг начинающих художников, одержимых поисковиков-коллекционеров, увлечённых искусствоведам – он внушал доверие. Он был интеллигентным человеком, подвижником.

Журналистка пишет, что Александру «разыскал» музейщик, искусствовед. Это возможно. В 1957 году проводилась выставка Казаса – тогда его творчество воспринималось, как явление местного, этнического масштаба. Возможно, Рудольф Подуфалый потянул за ниточку от этой выставки, и она привела его к Александре. А он понял, что Михаил Казас – крупное явление искусства.

Я не могу точно сказать, сколько времени Подуфалый заботился об Александре, хотя была этому прямым и невольным свидетелем: из окна моей комнаты виднелись ступени, ведущие в её коммуналку. Полгода, год или несколько лет это длилось? Не помню. Так же как не помню обстоятельств её последних лет. Листок на генеалогическом древе семьи Казас называет 1978 временем её смерти. Скорее всего, последние годы она провела в каком-нибудь скорбном доме. Недуг Александры прогрессировал быстро. Этому я и все жители нашего двора были свидетелями.

Но в середине 60-х искусствовед Рудольф Подуфалый посещал Александру Казас, помогал ей, беседовал с ней, обнаружил полное понимание и, видимо, внушил полное к себе доверие. В 1965-66 годах Александра Моисеевна передала в дар музею собрание рисунков и живописных полотен, восемь детских и юношеских альбомов и семь фотографий художника в общем количестве 299 «единиц хранения».

Симферопольский художественный музей оказался единственным обладателем полной коллекции картин Михаила Казаса, а Рудольф Подуфалый по праву стал автором сенсации, открывателем и исследователем звезды первой величины.

Тут требуется дополнение. Семья Казас в первые десятилетия XX века жила в Севастополе. Когда и в связи с чем они переехали в Симферополь, в дом по улице Жуковского, угол Гоголя, можно только предполагать. Однако известно, что в

севастопольском доме в пожаре сгорели многие живописные полотна Михаила. Видимо, в Симферополе у Александры хранились уцелевшие вещи.

К коллекции были приобщены четыре тетрадных листочка плотно записанные с двух сторон рукой Александры: воспоминания о брате. Когда она их написала? Может быть, когда-то, загодя? А, может быть, Рудольф уговорил её, напрягая последнюю память, сделать эти записки? Может быть, он убедил её, что в приложение к коллекции они необходимы. Возможно, он даже сидел рядом, помогая ей вспоминать?

Три живописных полотна Михаила Казаса сегодня находятся в постоянной экспозиции: Портрет отца, Испания (Бой быков) и Молла Насреддин.

Ещё есть восхитительные Скифы. Существует предположение, что Скифы – это эскиз заказанной Казасу, но неосуществлённой росписи фриза севастопольского театра. Эскизов росписи несколько. Один из них неизменно приводил в восторг посетителей музея. (Помню: от центрального входа несколько ступеней вверх и налево).

«Когда мы говорим о несбывшемся искусстве, мы имеем в виду именно искусство, а не художника... Все те, кого мы потеряли, как художники состоялись..., иначе нечего было бы терять. Только один пример – Михаил Казас. Говорят: да, он был талантливым, но ничего не успел, остались от него только наброски, этюды, эскизы. Все так, но только по форме. М. Казас уже в 1910 году проявил себя самобытным художником: он оставил нам композиции, т.е. законченные и совершенные произведения. Его недописанное полотно «Скифы» – лучшая историческая картина в крымском искусстве, поражающая красотой и выразительностью поэтического образа»

. Рудольф Подуфалый.

Скифы Казас М.М. 1912-1914 годы 49X150см холст, масло

Семья Казас

Культура, духовность взращивалась в семье Казас сотни лет до рождения Михаила.

Караимизм - разновидность иудаизма - сформировался в исламских странах Ближнего Востока в IX–XI веках. Караимы были поборниками Писания (Библии) в противовес приверженцам Талмуда – свода законов, сложившихся на основе устных толкований. Подробно разбираться в отличиях караимизма и ортодоксального иудаизма очень интересно. Наиболее ясное обобщение делает знаток крымской иудаики М.Б Кизилов. Он считает, что отличия между караимами и талмудистами подобны отличиям между шиитами и суннитами в исламе, протестантами и католиками в христианстве. Особенно близка аналогия со староверчеством в православии. В любом из этих сопоставлений караимизм как бы является консервативной стороной.

В то же время караимы: книжники и знатоки иврита, активные полемисты и миссионеры, открытые к контактам с миром ислама и с миром иудаики – были заметной группой в интеллектуальной палитре средневековья.

В XIII веке в результате татарского завоевания караимы оказались в Крыму. Языком общения для них стал тюркско-татарский язык. Языком молитвы и обряда до начала XX века оставался иврит. После присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году образованный слой караимов обратился к русской культуре и русскому языку

Семья Казас была цветом караимской, крымской, и, я бы сказала, цветом любой интеллигенции по самым высоким меркам.

Илья Ильич Казас (1833-1912) - дядя художника - получил блестящее образование в Московском, а затем Санкт-Петербургском университетах. Имел учёные степени. Он знал 11 языков, из них 4 древних. Был выдающимся культурным деятелем, просветителем, педагогом, поэтом и переводчиком. Его имя вписано в мемориальную доску на здании 1-ой Симферопольской гимназии.

Моисей Ильич Казас (1837 – 1929) младший брат Ильи Ильича - отец художника - также окончил Санкт-Петербургский университет, отделения восточных языков и юриспруденции. Ему предлагали службу на дипломатическом поприще, но он предпочёл вернуться в Севастополь, где в течение пятидесяти лет служил преподавателем Константиновского реального училища. Преподавал историю и географию, французский и русский языки. Сочинял стихи, делал переводы, писал публицистические статьи. Был почитаем современниками, как человек яркий, одарённый и высокообразованный.

Иосиф Исаакович Эрак (1832 – 1896) - дедушка Михаила со стороны матери - тоже личность незаурядная. Переводчик русской классики на тюркские языки, поэт. В 1986 году в Петербурге были изданы переведенные им на турецкий язык «Бахчисарайский фонтан» и «Талисман» А.С.Пушкина.

Семья Казас впитала средневековую библеистику, хитроумные переплетения восточных языков и философии, европейскую культуру нового времени, Пушкина и русскую культуру. Поистине, этот газон стригли 300 лет. Могла ли трава на нём быть недостаточно зелёной и сочной?!

Портрет отца. 1909 г. Холст на картоне, масло. 47X41,5

Моисей Ильич и его жена, Алтын Иосифовна Казас (Эрак) произвели на свет и воспитали семерых детей: четверых мальчиков: Илью, Рафаила, Исаака, Михаила и троих девочек: Эсфирь, Александру и Сарру.

Михаил родился четвёртым ребёнком 14 сентября (1 сентября по старому стилю) в 1889 году.

Можно почти безошибочно представить, как выглядел и чем был наполнен дом семьи Казас. Наверняка библиотека: книги, книги, книги. Газеты, подписные издания отовсюду: из Москвы, из Берлина, из Парижа на научные темы, литературно-художественные новинки, журналы по искусству. Интересы самые разные: старший, Илья, стал горным инженером, Александра биологом. По стенам комнат картины, старинные гравюры. Конечно, музыкальные инструменты: пианино, струнные, духовые. Напольные часы. В кабинете отца глобус, барометр.

Вечерами взрослые и дети собирались в гостиной, читали вслух, музицировали. Думаю, что отношения в семье были традиционными: родители любили своих детей, а дети любили своих родителей. Заботились друг о друге: впоследствии старший брат Илья оплачивал обучение Михаила за границей. Александра вообще посвятила ему жизнь. Все понимали, что Михаил обладает уникальным талантом.

В своих сакральных записках на четырёх тетрадных листках Александра вспоминает, что Михаил играл на флейте и балалайке, любил петь, сочинял стихи. Рисовать начал в три года и с тех пор

«всё своё свободное время он посвящал рисованию, без карандаша, красок и бумаги его трудно было представить».

Уже двадцатилетним, в одно из возвращений домой, Михаил запечатлел свою комнату в акварели и поставил в углу трогательную подпись.

Моя комната. 12.06.1909 г. Бумага, акварель, карандаш, гуашь. 19X24,5

4

Ученичество

Ребёнок с трёх лет не выпускал из рук бумагу и карандаши. Внимательные взрослые берегли и собирали его ученические альбомы. Какая удача! Можно проследить становление художника от самого истока.

Девяти лет Михаил поступил в Константиновское реальное училище и его талант подтвердил учитель рисования Николай Михайлович Янышев. Учитель - это важно. Янышев сам художник. В документах о нём написано:

«Ученик Петербургской Академии Художеств с 1878 г. по 1883 г. В 1879 г. - 1 серебряная медаль. 5 февраля 1883 г. - звание классного художника 3 степени».

«Классный художник» помимо преподавания служил архитектором и художником Херсонесского музея. Участвовал в археологических раскопках. А далее цитата из записок Александры:

Янышев «поощрял его и взялся, совершенно безвозмездно, давать ему уроки, помимо училища, у себя на дому, что он делал до окончания Михаилом реального училища в 1906 году»

Альбомы 1902 - 1905 годов (Михаилу 13 – 16 лет) свидетельствуют о постижении законов академического рисунка, композиции и перспективы. Всё как полагается. Янышев, почитатель Товарищества Передвижников преподавал по академическим канонам. В первых альбомах эскизы картин передвижников, жанровые сцены. Да, наверное, это и хорошо для начинающего. Классика ещё никому не мешала. Однако скоро в линиях этюдов появилось нечто непривычное, какая-то свобода, отступление от образцов. Своеволие явилось зачатком будущих разногласий с учителем.

Похоже, ученику наиболее импонировали зарисовки с натуры, коих в альбомах подавляющее большинство. Александра пишет:

он «постоянно ходил по базарам, кофейням, совершал пешеходные прогулки по Крыму»

На альбомных листах точными штрихами в разных позах и ракурсах изображены мужчины и женщины, лошади, коровы, дома, улицы, арки, фонтаны. Альбомы 1904 – 1905 годов – сплошь Восток. Восточные одежды, восточные типажи, восточная архитектура. Бахчисарай, Карасубазар, Инкерман. Мечети, рынки. Крым исчезающий...

Уже в этих юношеских работах проявился его яркий талант, оригинальный стиль и тонкое чувство юмора.

«Сильнейшей стороной таланта Михаила Казаса следует признать композиционный дар. Он прекрасно владел плоскостной графической композицией, остро динамичной, отличающейся особым лаконизмом изобразительного языка.»

Рудольф Подуфалый

В последних работах 1905 года возникает новый Михаил Казас. Ученические альбомы выводят нас к событиям переломным.

Богач и нищий. Бумага, акварель, 14,6x14,5

С 1898 по 1904 год в Петербурге издавался художественный журнал «Мир искусства» и сформировалось объединение мирискусников: творческих людей, которые провозгласили слом устаревших художественных форм, возвести новую эстетику и создали новое направление в русской живописи. «Мир искусства» был миром русского модерна.

Основателями объединения были Александр Бенуа, Константин Сомов, Лев Бакст, Евгений Лансере, Мстислав Добужинский, Анна Остроумова-Лебедева и Сергей Дягилев - вдохновитель, организатор и редактор журнала. В отделе критики печатались Мережковский, Гиппиус, Розанов, Сологуб, Брюсов, Бальмонт, Белый.

Скорее всего, Казас не приобретали «Мир искусства» - дорогой, роскошно иллюстрированный журнал выходил в Петербурге тиражом чуть более тысячи экземпляров - но, без сомнения, в семье улавливали вольные веяния из столицы.

Леонид Афанасьев (1889-1971гг.) – художник, товарищ Михаила по ученическим годам в Севастополе, вспоминал:

«Михаил Казас, обучаясь в реальном училище, знал всё про Серова, Врубеля, Добужинского, всё, что было тогда главным и вызывало интерес у молодёжи».

В 1901 году в Севастополе гастролировал МХТ с чеховской «Чайкой», с Всеволодом Мейерхольдом в роли Треплева. 10 апреля из Ялты приехал Чехов. Встреча Чехова на Графской пристани стала праздником для интеллигенции города. В 1903 году в Севастополе гастролировала труппа «Товарищество новой драмы» под руководством Кошеварова и Мейерхольда со спектаклями по пьесам Чехова и Метерлинка.

Почти не сомневаюсь, что Казас не пропустили эти события. Через 10 лет Михаил создал циклы гравюр к пьесам Мориса Метерлинка.

Юный художник был одарён так щедро, а реализация его дара вместились в столь малый промежуток времени, что значением наполняется не только каждый год, но и каждый день его жизни. По единичным отзвукам, доносящимся сквозь столетие, мы узнаём, как повлиял модерн на шестнадцатилетнего Михаила. Он изменил графику его последних альбомов. Он вызвал раздор с Янышевым, не простившим ученику отход от передвижничества и академизма.

Но, главное! - модерн, позволил юному художнику почувствовать себя в «своей стихии» и предопределил его путь в живописи!

Сегодня исследователи единодушно относят творчество Михаила Казаса к стилю модерн. Художник уверенно следовал идеям и принципам мирискусников: искусство не должно поучать и объяснять. Оно должно нести красоту! Графика – самоценный жанр изобразительного искусства; книжная иллюстрация - это часть гармоничного единства с литературной основой, а театр - синтез, где декорации важнейший элемент эстетики спектакля. В каждом из этих направлений он проявил себя ярко, всеохватно, талантливо. На это ему оставалось ещё 13 лет жизни. А тогда, в шестнадцать, произошло судьбоносное событие, которое Александра описала, как и всё, лаконично:

«В 1905 году, когда в Севастополь приехал художник Франц Рубо, приглашенный для написания большой батальной картины «Оборона Севастополя» для сооруженной впоследствии панорамы, отца уговорили показать ему работы Михаила. Ф. Рубо нашел его очень талантливым, предсказал ему большое художественное будущее и посоветовал поехать учиться в Мюнхенскую академию художеств, профессором которой он сам состоял до переезда в Россию»

Молла Насреддин холст, масло 47X72

Мюнхен

В 1907 году, после окончания реального училища Михаил отправился в Мюнхен и без особых усилий поступил в Баварскую королевскую Академию художеств.

На странице википедии «Выпускники Мюнхенской академии художеств» на букву «К» имя Казас Михаил Моисеевич стоит первым. За ним сразу следует Кандинский Василий Васильевич. Правда, Кандинский обучался семью годами ранее и приняли его, в отличие от Казаса, лишь со второго раза.

Баварская столица в свой «золотой век» (рубеж XIX и XX века) наряду с Лондоном, Парижем и Веной был центром европейской культурной жизни. Писатели, поэты, артисты, архитекторы, учёные, художники съезжались в Мюнхен, чтобы участвовать в выставках, учиться в частных школах и студиях, создавать художественные объединения, издавать журналы, дискутировать в салонах и уличных кафе.

В Баварской королевской Академии преподавали и учились блестящие художники всех стран Европы и Нового света: Франц фон Штук, Пауль Клее, Джорджо де Кирико, Альфонс Муха, Франц Марк и другие. В «избранном списке» выдающихся выпускников 45 имён.

Из академического центра с давними романтическими традициями город стал платформой для развития нового стиля в искусстве Германии и Австрии — стиля модерн, известного в Германии под названием «Югендштил» (Дарья Фраценко)

Шествие монахинь бумага, акварель, гуашь

Яркой гранью художественной жизни баварской столицы была многолюдная и многоталантливая русская колония.

Василий Кандинский называл Мюнхен «вторым домом». Здесь в атмосфере полной творческой свободы он осуществлял свой художественный поиск и создал знаменитое объединение экспрессионистов «Синий всадник» (1911г). Немцы считают Василия Кандинского своим художником, а его работы внесены в сокровищницу немецкого искусства

В мюнхенских международных выставках в разное время участвовали русские художники: Крамской, Репин, Коровин, Серов, Левитан, Малявин, Нестеров, Сомов, Рерих, Борисов-Мусатов;

в студиях и художественных школах, которые, территориально окружали Баварскую королевскую Академию, учились Леонид Пастернак, Игорь Грабарь, Кузьма Петров-Водкин, братья Давид и Владимир Бурлюк, Мстислав Добужинский, Александр Бенуа; работы русских, как например "Февральская лазурь" и "Мартовский снег" Грабаря, были очень популярны и отмечались медалями;

Шествие со слонами бумага, акварель, гуашь

В Мюнхене устраивали огромные ретроспекции японского, китайского искусства, персидской миниатюры.

Посещал ли Михаил Казас эти выставки? До обидного мало документов и каких бы то ни было свидетельств его пятилетнего пребывания в Мюнхене. Но, предположить, что это средоточие гениев и талантов, это восхитительное художественное многообразие, эта творческая вольница могли не увлечь яркого восемнадцатилетнего художника невозможно!

Описание бурной творческой жизни немецкого города, чуть было не заслонило главное: в Мюнхене находилась (есть и сейчас) Пинакотекa – знаменитая картинная галерея, одно из лучших в Европе хранилищ шедевров живописи.

Мысленным взором мы прослеживаем, как юноша из просвещённой семьи, живущей в далёкой провинции, идёт серыми залами – Пинакотека выкрашена аскетично – к тем, о ком, конечно, читал и изучал по репродукциям, но впервые оказался в близости этих полотен, предстал перед ними.

Вообразим, как он стоял, не в силах отвести глаз от автопортрета божественного Альбрехта Дюрера, как замер в изумлении перед «Снятием с креста» Рембрандта, или наслаждался молодым Рубенсом рука об руку с Изабеллой Брандт. Как день за днём поглощал всё новые залы: великих итальянцев, великих фламандцев... А, может быть, это происходило и не совсем так. Ведь он был художником, а у художников, свои тайные беседы.

Поистине, прозорливый Франц Рубо знал, какой город порекомендовать Михаилу.

На фотографии мюнхенского периода рукой Михаила сделана шутливая надпись, о том, что вместе с ним учились *«изводители холста и бумаги болгарин П.Кантемиров, кавказец А.Кациян, одесситы П.Ницше и Цветов»*. А, исследуя списки поступивших, можно заключить, что одновременно с Михаилом в 1907 году в Академию были приняты Анри Дюбуа из Амстердама, Лео Стар из Нью-Йорка, Николаос Литрас из Афин, Анжело Негретти из итальянского Виджу, Мауро Де Урбина из испанской Виттории

Шествие с леопардами бумага, акварель, гуашь

И в том же, 1907 году, в Баварской королевской Академии художеств начал преподавание Анжело Янк - педагог Михаила Казаса.

Анжело Янк, в прошлом сам ученик Академии, представлен в энциклопедии как художник-анималист и баталист. Многочисленные полотна Янка с изображением всадников на необыкновенно красивых конях всех мастей, в движении, преодолевающих барьеры, скачущих наперегонки, выполнены в академической манере. Но та же энциклопедия сообщает, что Анжело Янк – член Мюнхенского сецессиона, а это означает новатор, авангардист. И действительно, Янк проявил несомненное новаторство в графике. Он создал десятки замечательных графических обложек журнала «Jugend» - «Югенд» - «Юность», по имени которого и был назван немецкий модерн - Югендштил. Многочисленные иллюстрации к литературным произведениям, открытки и журнальные заставки выполнены им в графике стиля модерн, в котором работал и его ученик Михаил Казас.

Искусствоведы видят влияние профессора в одном из самых привлекательных аспектов творчества Михаила Казаса – в создании динамичных композиций. Многие его работы изображают шествия, прогулки, выезды, процессии, будь то «Шествие со слонами», «Шествие с гепардами» или «Скифы».

Репродукции картин Казаса, размещённые в этом эссе, не служат иллюстрацией текста и связаны с ним по смыслу лишь отчасти. Дело в том, что большая часть графических листов Михаила не датирована. Время и место их появления угадывается по контрапункту: по стране, где художник в это время мог работать, по событиям его жизни, по его окружению. Рудольф Подуфальный считает 1909 - 1914 годы самым плодотворным периодом творчества Михаила Казаса. В эти пять лет было создано большинство его прекрасных творений.

Художники за столом Бумага, темпера, тушь 16X20,5

Нельзя не заметить, что при всём богатстве и разнообразии новых художественных течений, представленных в Мюнхене начала XX века, Михаил Казас не присоединился ни к одному из них, не вступил ни в один из кружков или обществ. Он оставался верен избранному им стилю, совершенствовался в нём и продолжал свой путь в одиночестве.

В кафе «Salvator»

6

Выставка

Летом на каникулах Михаил возвращался домой. В августе 1910 года он и трое его товарищей-художников - Л. М. Афанасьев, Ф.И. Копп и В. Золотарев открыли в Севастополе «Выставку 4-х». Как оказалось, это была единственная прижизненная выставка Михаила Казас.

Скорее всего, идея выставки принадлежала Михаилу. В Мюнхене кроме крупных, официальных экспозиций художники нередко устраивали экспресс-показы в квартирах или небольших помещениях. (Дарья Фраценко)

Для своей выставки севастопольцы сняли квартиру на Екатерининской улице, в доме № 80 (интересно, что там сейчас?). Помещение оплачивали, вручая посетителям рукописный каталог за 5 копеек.

К огромному сожалению, этот уникальный каталог не сохранился. Исследователи упоминают немалый список выставленных Михаилом работ – более ста. Однако с достаточной уверенностью можно назвать его академические этюды и рисунки, серию гравюр по мотивам «Слова о полку Игореве», пейзажи Крыма, серию «Старый Мюнхен», иллюстрации к восточному фольклору. Сохранились две фотографии с

«Выставки 4-х», на которых видны графические работы, развешенные по стенам, в несколько рядов, на листах серой бумаги

Блестящим юмором пронизан представленный на «Выставке 4-х» цикл рисунков М. Казас по мотивам анекдота о Молле Насреддине. Это настоящий спектакль, выстроенный по всем правилам: пролог, развитие сюжета, кульминация и развязка, в которой соль! Эдакий безупречно художественный комикс.

Это неспроста

Однажды Молла, чуть за вечерело, пошёл в чайхану. Он увидел, что перед чайханой собралось много народа.

Молле захотелось подшутить над ними, он подошёл и спросил:

- Хорошо, а вы почему не пошли?

- Куда? – спросили его.

- На поминальный обед. Я только что оттуда. Там дают прекрасный плов, - ответил Молла.

Услышав о поминках, все бросились бежать туда, куда он указал.

Молла увидел, что все бегут и сказал про себя:

- Вдруг это и в самом деле так. Раз народ бежит, значит, неспроста.

Подумав немного, он тоже побежал следом за всеми

На листах хорошо видна авторская подпись. Определённая, чёткая М с точкой и К с точкой по левую и правую сторону листа, внизу. Графологи сказали бы: подпись человека, обладающего чувством собственного достоинства.

«Это была прежде всего выставка Михаила Казаса, студента Мюнхенской академии художеств», - вспоминал Л. М. Афанасьев.

Леонид Афанасьев - севастопольский товарищ Михаила, полный его ровесник - сын морского офицера и матери из купеческого сословия - пережил М.Казас на 53 года. Он занимался живописью, стал искусствоведом, работал в художественных музеях. Вполне вписался в советскую действительность и прожил долгую жизнь. Но, видимо, не меркло в нём воспоминание об уникальном таланте, с которым ему довелось соприкоснуться в молодости. В архиве Симферопольского художественного музея хранится стенограмма вечера 1965 года, посвящённого памяти М.Казас, с записью воспоминаний Афанасьева. Его жена рассказала, что он работал над монографией о М.М. Казас, но ее судьба неизвестна. (Билялова)

«Выставка 4-х» показала «уверенное мастерство и творческую самостоятельность автора».

Рудольф Подуфалый, конечно, имеет в виду Михаила Казас. которому в это время 21 год.

Соломон и танцовщица Бумага, гуашь 13X13

Михаил Казас в свои 20 с небольшим, безусловный интеллекуал, знаток литературы создаёт восхитительные графические и живописные работы по ветхозаветной «Песнь песней»; на античные сюжеты; по русским летописям; по скандинавскому эпосу; по восточному фольклору; по произведениям Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Стивенсона, Андерсена, Грина

Было бы неточно называть эти работы иллюстрациями. Они сложнее. Михаил трактует текст по-своему, часто неожиданно. Художник отображает глубинную сущность литературного произведения, свои размышления и ассоциации. Ну, право же, где ещё можно увидеть такого царя Соломона?

7

Путешествия

В 1911 году Михаил Казас успешно завершил пятилетний курс в Баварской королевской Академии художеств. Александра в своих воспоминаниях пишет, что в семье сохранялись похвальные листы, полученные им на выставках при Академии.

Натурщица Начало XX века Бумага, тушь. 20X16

Но был ещё один европейский город, который обладал ни с чем не сравнимой привлекательностью для художников. Конечно же, это был Париж! Туда, распрощавшись с Мюнхеном, и отправился Михаил.

Время с 1890-го до Первой мировой войны парижане называют «La Belle Époque» - «Прекрасная эпоха». Уже с середины XIX века столица Франции имела современный облик: памятники, парки, неожиданная гармония Эйфелевой башни с чугунным кружевом оконных ограждений.

Париж был городом, где произошли глобальные изменения в искусстве. В последней трети XIX века возник импрессионизм, а в начале XX-го уже проводились регулярные экспозиции великих постимпрессионистов: Гогена, Сезанна, Ван Гога, художников Группы Независимых. Разъять мир на сферы, конусы и цилиндры пытались кубисты Пикассо и Брак; передать чувство через цвет и форму возжелал Матисс -лидер фовистов.

«Сверкающий Париж у наших ног!» восклицал галерист Д.-А.Канвейлер.

Женский портрет Бумага, карандаш, белила 9X13,5

19 мая 1909 года в Париже с триумфом открылись «Русские сезоны». Театральная антреприза Сергея Дягилева покорила парижан декорациями в стиле русский модерн, исполненных Бенуа. Столь же популярный в это время во Франции модерн носил здесь название ар нуво (Art Nouveau). Восторг искушённой столичной публики вызвала балетная техника и грация Павловой и Карсавиной, лёгкость и высота прыжков Нижинского, голос Шаляпина, музыка Стравинского...

Район живописцев и поэтов Монмартр заимел конкурента на левом берегу Сены. Окраинный и поначалу неустроенный Монпарнас, привлёк множество молодых художников и скульпторов, поэтов и писателей, артистов и музыкантов прежде всего дешёвизной, но и свободой, и возможностью дискутировать часами за столиками кабачков и кафе, например, «Ротонды», которая ещё только станет знаменитой.

Эскиз к портрету Нильсен

В 1911 году, то есть в том же году, что и Казас, в Париж прибыл и поселился на Монпарнасе Марк Шагал.

Почему-то мне кажется, что где-то неподалёку нашёл себе жильё и Михаил Казас. Михаил провёл в Париже почти год. По некоторым данным, он занимался там в художественных мастерских. Но, несомненно, попав в великий город художников, он жил кипучей жизнью художника. Наблюдал и заносил на листы уличные сценки, работал с натурщиками, рисовал портреты друзей, запоминал и воспроизводил простых парижанок и изысканных дам в салонах. К этому времени можно отнести целый ряд его прекрасных натуральных зарисовок и графических работ.

А мастерская, думаю, ему была не очень нужна, потому что живопись его была летучей. Она возникала из-под карандаша и кисти на альбомных листах или клочках картона, а потом взмывала в воздух и поднималась к небесам, где и положено быть талантливым творениям. На некоторых листах видны оторванные уголки: пёрышки, оставленные на взлёте.

Портрет художника бумага, тушь, темпера 27,5X27,2

После возвращения из Европы Михаил два года путешествовал по России.

Первое время он оставался дома, в Севастополе, возобновив свои прогулки по Крыму с альбомом и этюдником.

Вслед за этим отправился на Кавказ, к старшему брату Илье, который служил горным инженером. На Кавказе Михаил возвратился к теме Востока и создал серию иллюстраций к произведениям М.Ю.Лермонтова. Ну конечно, где же ещё?

Затем в Санкт-Петербург, по мнению искусствоведов «ознакомиться с русской живописью». Несомненно, его не могло не интересовать собрание Эрмитажа и созданного за полтора десятка лет до этого Русского Музея, большую часть которого составляли картины из Академии художеств.

Всё же думаю, что особой притягательностью для Михаила был сам Петербург. Право же город того заслуживал.

Торжественный образ Северной Пальмиры эпохи классицизма на протяжении XIX века претерпел перемены.

Всё чаще звучало, что город выстроен на гиблом месте, на болотах и костях бессчётно загубленных людей;

что в нём «всё мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно» (Гоголь);

что, выходящая из берегов Невы, мрачные дворы-колодцы (Достоевский), пригородные смердящие фабрики (Кузьмин) - всё окутано зловещей аурой, всё гибельно для человека.

Художники русского модерна Бенуа и Остроумова-Лебедева изменили «оптику восприятия» Петербурга, очистили город от мрачных пророчеств, сдёрнули с него пелену инфернальности и показали Петербург соразмерным и прекрасным!

Этот прекрасный город и стал местом последнего путешествия художника Михаила Казас.

У источника. 14x19,7 (Кавказ)

Жизнь художника, проходившая в движении, выразилась в разнообразии форм, многоголосии персонажей, широком охвате эпох и культур, в самом характере творчества – эскизном, этюдном, как будто бы предварительном и незаконченном... (Дарья Фращенко)

Война

В июле 1914 года началась Первая мировая война. Для современников она была не менее страшной и изнурительной, чем Вторая, та, которая к нам ближе, и, может быть, даже ещё более бессмысленной.

С первой мобилизацией Михаила призвали в действующую армию. В чине прапорщика он попал в санитарные войска 37-го Екатеринбургского пехотного полка.

Солдаты Бумага, акварель

В семье сохранилось всего одно письмо Михаила с фронта, которое завершал удачный и смешной автошарж. Потом и оно пропало.

Михаил беспокоился о родителях и сёстрах и высылал домой своё офицерское пособие. Он писал, что его оберегают сослуживцы; что даже находится время для рисования и собрано уже несколько работ.

Его воинская часть, 37 Екатеринбургский пехотный полк, с первых дней войны, с июля 1914 и до конца 1917 года участвовала в тяжёлых боях с австрийскими и германскими войсками.

Чтобы не сложилось впечатление, что всё это было так давно, что вроде бы и не было вовсе, я опубликую один фрагмент истории полка – того самого, в котором неотлучно находился и воевал Михаил Казас. Фрагмент охватывает 3 месяца 1916 года.

«9 февраля 1916 года полк вновь занимает боевые позиции, а в начале марта принимает участие в наступлении русских войск. 8 марта полк броском занимает две линии окопов немцев. В этих боях полк теряет убитыми 5 офицеров, ранеными 11 офицеров, убитыми 99 солдат, ранеными 688 солдат и пропало без вести 310 человек. Тяжело контужен командир полка полковник Буров. Полк временно принимает полковник Вольнер.

Потеряв в боях марта-апреля 1916 года ещё 159 человек, полк вновь был выведен в резерв, но 15 апреля немцы атаковали позиции 10 дивизии, и в создавшейся тяжёлой обстановке командование бросило в бой Екатеринбургский полк, который отбросил немцев и закрепился в деревне Колодино. Полк в этом бою потерял 418 человек».

Ю.Веремеев Екатеринбургский пехотный полк
Краткий очерк истории одного полка Русской Армии

Сейчас время подумать. Да, товарищи оберегали Михаила. Похоже, это написано больше для мамы и сестёр. Да, он даже имел возможность рисовать. После художественных салонов Европы четыре года он пребывал в кровавом месиве фронта прапорщиком перевязочного отряда санитарных войск.

И ведь для него не было выбора, как служить: в полную силу или в пол силы. Интеллигентный человек, получивший в семье прививку порядочности не задаётся вопросом помочь или не помочь, спасти или повременить. Святость человеческой жизни, долг перед товарищами – для Михаила Казас - способ бытия.

Далее документы:

Казас Михаил награждён: Орден Святого Станислава III-й степени.

Его Императорское Величество, в присутствии своем в Царском Селе, июля 9-го дня 1915 года, соизволил отдать следующий приказ.

Казас Михаил награждён: Орден Святого Станислава II-й степени

Его Императорское Величество, в присутствии своем на ст. Вышки, января 29-го дня 1916 года, соизволил отдать следующий приказ

Казас Михаил награждён: Орден Св. Анны III-й степени Его Императорское Величество, в присутствии своем в Царском Селе, марта 20-го дня 1916 года, соизволил отдать следующий приказ

Казас Михаил награждён: Орден Св. Анны II-й степени

Его Императорское Величество, в присутствии своем в Царской Ставке, октября 30-го дня 1916 года, соизволил отдать следующий приказ

Должна признаться, я, очарованная живописью Михаила Казаса, была просто потрясена его воинскими подвигами.

Вакханалия Бумага, акварель, карандаш 7X28 см.

13 ноября 1917 года начались переговоры новоиспечённого советского правительства с немцами о перемирии. В январе 1918 года распоряжением советского правительства 37 Екатеринбургский пехотный полк был отправлен в тыл, в Нижний Новгород.

В феврале 1918 года прапорщик перевязочного отряда санитарных войск Михаил Казас в виде поощрения за воинские заслуги получил 10-дневный отпуск и прибыл в Севастополь, захватив с собой несколько фронтовых зарисовок.

9

Дома

После большевистского переворота 17-го года в Крыму наступили голод и хаос, и борьба за власть всех со всеми. К январю 1918-го победили сговорившиеся большевики, левые эсеры и анархисты. Разразился массовый террор.

Массовый террор 1917-1918 годов в республике Таврида советской историографией не освещался. Сейчас по этой теме можно найти работы историков и душераздирающие письменные свидетельства современников.

«23 февраля 1918 года жертвами террора стали заложники, не сумевшие выплатить контрибуцию. Всех их собрали в помещении Севастопольского совета. Матрос Беляев так описывал эти события

«... там были и офицеры, священник, и так, просто разные, кто попало. Там были совсем старые, больные старики. Половина матросов требовали уничтожить их. ...Людей было много, были и доктора, была уже полная зала. ...Никто не знал ни арестованных, ни того, за что их арестовали. ...Пришла шайка матросов и требовала отдачи...».

В ту ночь в Севастополе убивали везде. Матросы явились в севастопольскую тюрьму и забрали у тюремщиков около восьмидесяти заключённых, в т. ч.

муфтия Ч. Челеби, контр-адмирала Н. Г. Львова, которые все были казнены. Когда комиссар тюрьмы связался по телефону с Советом спрашивая как поступить с требованием матросов, Совет ответил: «...выдавать, кого потребуют матросы»

Родственникам трупы не выдавали. Тела убитых собирали по всему городу специально назначенные грузовые автомобили, которые свозили все трупы на Графскую пристань. Там трупы грузили на баржи и вывозили в открытое море, где и выбрасывали за борт, привязав к ногам груз. И долго ещё во время штормов море выбрасывало трупы на берег».

В.В.Крестьянников Варфоломеевские ночи в Севастополе в феврале 1918г.

Информация с сайта Севастопольского государственного архива.

В этой обречённой толпе 23 февраля 1918 года находился 28-летний Михаил Казас. Страшно вообразить, что испытал он в ту ночь. О чём думал и что чувствовал. Он не был белогвардейцем. Он не был врагом простых людей. В семьях, подобных семье Казас, исповедовали либеральные взгляды.

Я не склонна считать его растерянным и слабым. С автопортретов и фотографий смотрит умный, мужественный человек. Возможно, ощущая себя жертвой бессмысленного террора, он испытывал страх, возможно – гнев. Но, скорее всего – недоумение, ввиду нелепости и абсурда творимого людьми злодейства.

Он был Художник.

Он жил в своём времени и в своём мире.

Его время - Серебряный Век, его мир - Мир Искусства

Осиянный Божьим светом он сам созидал мир, благой и разнообразный.

Выстрелы, сгубившие его, сгубили лучшее в стране, сгубили и самоё страну.

А, может быть, ему казалось, что это сон и он скоро очнётся.

Увы! Страшный сон сменился для него сном вечным.

Господи! Пусть бы его страдания не были слишком долги!

Дитя, сестра моя,
Уедем в те края,
Где мы с тобой не разлучаться сможем.
Где для любви — века,
Где даже смерть легка,
В краю желанном, на тебя похожем.

И мы войдем вдвоем в высокий древний дом,
Где временем уют отполирован,
Где аромат цветов — изысканным вином.
Где смутной амброй воздух околдован.

Под тонким льдом стекла бездонны зеркала.
Восточный блеск играет каждой гранью.
Все говорит, в тиши, на языке души,
Единственном, достойном пониманья.

Дитя, сестра моя,
Уедем в те края,
Где мы с тобой не разлучаться сможем.
Где для любви — века,
Где даже смерть легка,
В краю желанном, на тебя похожем.

Шарль Бодлер, перевод Ирины Озеровой

Израиль, Ришон ле-Цион, 2021г.